

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Большое спасибо нашему коллеге И. Л. Беру, члену Альянса русскоязычных фактчекеров, главному редактору Проверено.Медиа за консультации, проекту «ОВД-инфо» (внесен Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента) за предоставленные данные, а также журналисту О. А. Мутовиной (Иркутск) за помощь в работе над статьей.

Для цитирования: Архипова А. С., Пейгин Б. С. Министерство правды: как российское правительство борется со слухами в эпоху коронавируса // Шаги/Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 124–150. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-124-150>.

Статья поступила в редакцию 24 мая 2021 г.
Принято к печати 22 августа 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 4. 2021
Articles

A. S. Arkhipova ^{abc}

ORCID: 0000-0001-8853-0003

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com

B. S. Peigin ^a

ORCID: 0000-0003-1493-6283

✉ bspeigin@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Wilson Center (USA, Washington)*

^c *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

MINISTRY OF TRUTH: HOW THE RUSSIAN STATE FIGHTS FAKE NEWS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. We research how the Russian authorities, using both fact-checking resources and law enforcement measures, have been fighting COVID-rumors and fake news during 2020–2021. To find out what the Russian government considers to be the most dangerous rumors, we built three databases: COVID-rumors in social media (6.2 million reposts from 1 January through 30 April); cases of court prosecutions against spreaders of fake news (240 cases from February, 2020 to August, 2021); and cases of debunking of “fake news” on coronafake.ru (194 cases). The majority of Russian infodemic texts in social media (65%) consists of anti-vaccination nar-

ratives and folk medicine for COVID-19. Those rumors are generally claimed to be the most socially dangerous because they can adversely influence human behavior. Meanwhile, of the fake news and rumors which became the subjects of court cases, the majority (84%) concern the possible negative socio-political scenarios of the coronavirus pandemic and express distrust of the actions of government institutions. At the same time, anti-vaccination fake news and false medical advice draw no attention from state agencies. Thus, the policy of the Russian state in the fight against the infodemic turns out to be focused mainly on preserving the legitimacy of government institutions and public confidence in them, and less on public health.

Keywords: infodemic, COVID-19, folklore, fact-checking, fake news, rumors, coronafake.ru

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by RANEPА

We are grateful to our colleague I. L. Ber, a member of the Alliance of Russian-speaking fact-checkers, editor-in-chief of Checked.Media, for consultations, to the OVD-Info project (included by the Ministry of Justice of the Russian Federation in the list of organizations performing the functions of foreigners agents) for providing the data, and also to journalist O. A. Mutovina (Irkutsk) for her help in writing the article.

To cite this article: Arkhipova, A. S., & Peigin, B. S. (2021). Ministry of Truth: How the Russian state fights fake news during the COVID-19 pandemic. *Shagi / Steps*, 7(4), 124–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-124-150>.

Received May 24, 2021

Accepted August 22, 2021

Март 2020 года. Директор ФСБ выступает на совещании в правительстве:

— Нужно срочно вывести на патрулирование улиц Росгвардию и войска. Жесткий комендантский час, дубинки и водометы. Всем без исключений оставаться по домам. Начать облавы и задержания.

Премьер-министр:

— И это поможет нам одолеть коронавирус?

Директор ФСБ:

— Какой еще коронавирус?

Э тот анекдот (имеющий прямое отношение к содержанию статьи) стал чрезвычайно популярным 30 марта 2020 г. За пять дней до этого, 25 марта, В. В. Путин объявил о режиме «нерабочих дней» (режиме самоизоляции, являющемся одним из вариантов карантинных мер). Так в Россию пришла эпидемия коронавируса, а вместе с ней и инфодемия — невероятно большая волна народных рецептов, панических предупреждений, слухов, советов и других текстов о COVID-19. Появление инфодемических нарративов вынудило государство реагировать на новое явление: 1 апреля появились

поправки к уголовному законодательству, согласно которым распространение определенных типов «фейков» стало преступлением, а 5 апреля появился аффилированный с государством фактчекинговый ресурс coronafake.ru.

Задача изучить, как российское государство борется с «фейками» и слухами, затрагивает и юридическую, и социальную сторону вопроса, и поэтому для проведения этого исследования мы — социальный антрополог и юрист — объединили свои усилия. Нас интересует, чем на самом деле является «фейк» с точки зрения правоприменителей, как устроены правоохранные практики и какие нарушения происходят в «делах о фейках», какие глубинные мотивировки заставляют представителей власти преследовать «распространителей слухов» и какие именно тексты представляются им наиболее важными и опасными.

Что считают фейками и слухами ученые, а что — правоохранители

Термин *инфодемия* был введен ВОЗ¹ в феврале 2020 г. для обозначения избыточной или неверной информации о коронавирусе (недаром он созвучен слову *эпидемия*). В течение последующего года это слово широко разошлось по миру и стало синонимом терминов *недостовверная информация*, *counter-information*, *misinformation*, *слухи* либо *фейки*.

Однако мы, изучая российскую инфодемию с января 2020 г. по настоящий момент и собрав большой корпус текстов, нередко сталкивались с ситуацией, когда тексты, распространяемые по каналам горизонтальной коммуникации, передают утверждения, которые могут оказаться и ложью, и правдой. Рассмотрим следующий пример. В Москве в марте 2020 г. от одного чата в WhatsApp к другому распространялись сообщения о том, что Москва будет закрыта на карантин и покидать дома будет нельзя. Такие сообщения представители власти называли «фейками», и их неоднократно опровергали, в том числе УМВД по Москве [Варданян 2020], угрожали штрафами за их распространение и даже завели уголовное дело [Петренко 2020]. Тем не менее 29 марта в Москве был введен режим самоизоляции: москвичи были переведены на дистанционный режим работы, могли ходить только в ближайшие магазины, ездить на общественном транспорте или личной машине два раза в неделю, получая для этого пропуска; многие учреждения, в том числе рестораны и кафе, не работали [Указ 2020]. Все эти действия в обыденном языке вполне могут быть названы карантином. Является ли в таком случае слух о грядущем карантине в Москве ложью? Строго говоря, нет. Это информация, на момент распространения официально не подтвержденная или не являющаяся официальным высказыванием властного института и распространяемая по каналам низовой коммуникации.

Исходя из этой логики, для нас объектами исследования становятся любые повторяющиеся тексты, распространяемые через неформальные каналы ком-

¹ «Мы сражаемся не только с эпидемией, мы сражаемся еще и с инфодемией», — заявил 15 февраля 2020 г. глава ВОЗ Тедрос Гебреисус [Мюнхенская конференция 2020]. Стоит оговорить, что первое значение слова *infodemics / infodemia* — это именно «переизбыток информации», однако очень быстро этот термин стал означать недостоверную информацию о болезни и ее последствиях.

муникации, где «коллективный автор» и индивидуальный распространитель допускают, что информация, изложенная в этих текстах, подлинная и нуждается в распространении. Мы будем называть их *инфодемическими нарративами*, или просто *слухами*. Самое главное в инфодемических нарративах — это не только и не сколько то, какое количество правды содержится в них, а их свойство создавать неподцензурные «сети сомнения» и тем самым противопоставлять свое знание официальной информации.

Представители власти во время борьбы с инфодемией безоговорочно называли *фейками* (реже — *слухами*) любые инфодемические нарративы (например, о карантине в Москве, см. выше), даже если эти нарративы частично или полностью соответствовали действительности. (Напомним, что термин *инфодемия*, введенный ВОЗ, изначально означал переизбыток информации, а не априори ложную информацию.) Поскольку фольклористы и часть антропологов называют *фейками* или *фейковыми новостями* (в отличие от российских правоохранителей) только те тексты, авторы которых имели интенцию сознательно ввести читателя в заблуждение [Tandoc et al. 2018], мы в этой статье отказываемся от использования слова *фейк* в качестве антропологического термина: зачастую мы не можем оценить степень сознательности лжи и поэтому употребляем это слово в кавычках, только как цитату из сообщений СМИ и аффилированных с государством фактчекинговых ресурсов.

Методология и материалы исследования: три базы данных

Чтобы оценить, какие инфодемические нарративы распространены в России и какие из них признаются общественно опасными, мы создали три базы данных, позволяющие сравнить тексты инфодемии в социальных медиа с тем, какие из них замечаются аффилированными с государством фактчекерами и правоохранительными органами. При создании баз мы использовали методы классического качественного антропологического анализа (интервьюирование пользователей соцсетей и экспертов по фактчекингу), количественную фольклористическую методику создания указателя сюжетов и корпусного анализа [Abello et al. 2012; Tangherlini, Leonard 2013; Ilyefalvi 2018], а также методы *social media listening* (мониторинга данных в социальных сетях).

Первая база данных представляет собой корпус текстов инфодемии². Мы выявляли сюжеты слухов через интервьюирование, наблюдение и качественный мониторинг соцсетей, после чего для каждого сюжета создавали поисковый запрос и через анализатор соцмедиа «Медиалогия» запускали поиск по этим ключевым словам³ (подробно создание базы описано в статье [Архипова и др. 2020]). Таким образом мы видели, в каком объеме в социальных сетях репостились тексты, отвечающие поисковым запросам. Например, один из

² Над созданием базы в разное время работали сотрудники Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС Н. В. Петров, Д. А. Радченко, М. В. Гаврилова, И. В. Козлова, А. А. Кирзюк, С. В. Белянин и авторы настоящего исследования.

³ Сервис «Медиалогия» получает данные из порядка 1500 платформ, включая социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Twitter и др.), YouTube, блоги, в том числе автономные, форумы, комментарии к текстам онлайн-СМИ.

самых популярных сюжетов российской инфодемии — рассказ о COVID-19 несуществующего «молодого российского врача Юры Климова, который работает в китайской больнице с вирусом Ухань», — репостился с февраля по ноябрь 2020 г. более 750 тыс. раз. (Необходимо сделать важную оговорку — конечно, не все из этих сюжетов подчинились алгоритмам поиска. Некоторые сюжеты встречаются только в слабоструктурированных текстах, и для них мы не смогли создать исчерпывающий поисковый запрос, описывающий нужный сюжет. Поэтому проценты, о которых пойдет речь в следующем разделе, отражают тенденцию в распространении слухов.)

Вторая база⁴ содержит все известные нам протоколы административных дел, уголовные дела, доследственные проверки и иные формы реагирования правоохранительных органов, связанные с распространением «заведомо недостоверной» информации о коронавирусе в России⁵. Эти материалы мы обобщенно называем прецедентами правоохранительного реагирования. С февраля 2020 г. по октябрь 2021 г. мы нашли 240 прецедентов реагирования, и это число сопоставимо с общим количеством «дел о фейках» в России: по данным РБК, в течение 2020 г. за «фейки» в связи с коронавирусной темой было возбуждено 37 уголовных дел и в период с 1 марта по 1 декабря 2020 г. составлено 456 административных протоколов [С начала года 2020].

Собранные прецеденты реагирования классифицировались по ряду критериев — времени возбуждения дела, юридической квалификации, социальному статусу виновного (если эти данные были известны), а инфодемические нарративы, распространение которых стало поводом к реагированию, — по сюжетным группам, выделенным в общей базе инфодемических нарративов (см. выше). Содержание этих нарративов в подавляющем большинстве случаев (233 из 240) указывалось в открытом источнике, что позволило проводить такую классификацию.

Третья база⁶, задействованная в нашем исследовании, включает 194 «фейка», опровергавшихся с 5 апреля 2020 г. по 10 марта 2021 г. порталом *soonafake.ru* и его Telegram-каналом «Фейки о коронавирусе». Собранные данные были также категоризированы по территориям, группам сюжетов, источникам опровержения и другим параметрам.

Распространение инфодемических нарративов о коронавирусе в социальных сетях

Объем инфодемии в России чрезвычайно велик — нашей группой в российских социальных сетях было зафиксировано 307 сюжетов инфодемических нарративов, суммарный объем которых превышает 6 млн репостов в период с 1 января 2020 г. по 30 апреля 2021 г. Мониторинг социальных сетей, проведен-

⁴ Над базой работали научный сотрудник Лаборатории фольклористики РАНХиГС И. В. Козлова и авторы настоящей статьи.

⁵ Источниками базы стали данные, собранные Международной правозащитной группой «Агора» [Селезнев 2020] и проектом «ОВД-Инфо» (внесен Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента), а также упоминания о таких прецедентах в открытых источниках (СМИ и пресс-релизах МВД), собранные авторами исследования.

⁶ Создана Б. С. Пейгиным.

ный нашей группой, выявил инфодемические нарративы самого разного типа: фабрики бумажных документов (например, приказ С. К. Шойгу о введении комендантского часа в Москве), рассылки в мессенджерах «свидетельств очевидцев» (например, «очевидец» рассказывает, как металлодетектор в аэропорту определяет вакцинированных, потому что в вакцине содержатся тяжелые металлы), рецепты «народных» лекарств от коронавируса, средств профилактики болезни (например, рекомендация дышать парами водки, чтобы защититься от ковида), объяснения, почему нельзя носить маски (например, в них живут микрочерви), религиозные откровения («Богородица сказала ставить маслом крест на двери»), панические предупреждения о готовящихся социально-политических изменениях (например, о штрафах за шутки о коронавирусе) и мн. др.

По содержанию эти сюжеты, связанные с коронавирусом и его последствиями, можно разделить на восемь основных содержательных групп (табл. 2, 3).

Самую значительную группу инфодемических нарративов в социальных сетях составляют сюжеты о вакцине и вакцинации (41%). Сюда включаются все тексты, повествующие о той или иной опасности вакцин (о том, что они вызывают бесплодие, содержат тяжелые металлы или чипы, и т. п.). Всего в этой группе сейчас более ста сюжетов; постоянно появляются всё новые и новые сюжеты.

На втором месте по популярности находятся инфодемические нарративы о медицине и лечении (24%), которые включают все тексты о методах или способах излечения от коронавируса или его диагностики, а также инструкции религиозного типа по защите от заболевания. Например, к этой группе относятся советы лечиться с помощью настоя из имбиря, напитка из соды с лимоном и т. д.

Тексты о происхождении и способах распространения вируса находятся на третьем месте по распространенности (15%). К этой группе относятся известные тексты о заражении через сети 5G, а также слухи о том, что агентом заражения вирусом являются представители власти и что они инфицируют простых людей (например, с вертолетов). Эти слухи были очень распространены весной и летом 2020 г., и за них несколько раз штрафовали людей [СК 2020b].

На четвертом месте (10%) находятся тексты, посвященные взаимодействию человека и государства в эпоху пандемии: в них говорится о замалчивании проблем (нехватка средств индивидуальной защиты, отключение ИВЛ из-за перебоев с электричеством, отсутствие выплат врачам и т. д.). А на пятом месте (4%) — близкие по теме слухи о том, что представители власти либо стараются создать видимость несуществующей эпидемии, либо, наоборот, скрывают подлинное количество зараженных и умерших (группа «Искажение информации и манипуляция со статистикой о коронавирусе»).

Мы хотим еще раз напомнить, что считаем инфодемическим нарративом не априори ложное сообщение, а то, что распространяется по вернакулярным сетям коммуникации и имеет установку на достоверность. Многие сообщения из последних двух тематических групп разбирались в независимых СМИ (по крайней мере частично) и отчасти подтверждались.

Маски, перчатки и другие средства защиты (например, антисептики) вызывают постоянное раздражение российских граждан, и неудивительно, что есть ряд устойчивых инфодемических нарративов (4%), рассказывающих, почему средства защиты не нужны или используются неправильно. Тестирование на наличие коронавируса и меры социального дистанцирования оказались меньше всего востребованы в инфодемических нарративах — суммарно они набрали чуть больше 2%.

Разные темы слухов были востребованы по-разному на протяжении развития пандемии. На начальном этапе среди текстов инфодемии доминировали псевдомедицинские слухи и советы, а позднее, по мере появления вакцин, — антивакцинационные нарративы. В совокупности эти две группы сюжетов составляют большинство в корпусе текстов инфодемии (65%).

Преобладание псевдомедицинских советов в начале пандемии в России — не уникальный случай. Группа итальянских исследователей опубликовала исследование (препринт вышел 10 марта 2020 г.), в котором проанализировала распространение инфодемии о коронавирусе (8 млн видеороликов, постов и репостов) в Инстаграме, Твиттере и YouTube за январь — февраль 2020 г. Среди всей информации о вирусе и эпидемии, распространяемой в англоязычных социальных сетях, советы по защите от опасности, в том числе псевдомедицинские, оказываются в топ-5 по популярности, а самое большое количество любителей медицинских советов и народных рецептов обитало в англоязычном Инстаграме [Cinelli et al. 2020].

Советы по применению имбиря и чеснока против коронавируса не так безобидны, как кажутся. Российские граждане в 2020-м, «пандемийном» году получали из разных источников самые разные инструкции. Исходя из официальных эпидемиологических рекомендаций, необходимо мыть руки и соблюдать дистанцию в полтора метра, — а рассылки в мессенджерах предлагали рекомендации «израильских врачей» пить больше водки или мазаться чесноком. Веер таких советов дезориентирует человека и мешает ему принять верное решение. За год до эпидемии, в 2019 г., специалисты по эпидемиологическому моделированию Джули Брейнард и Пол Хантер установили, что во время локальных эпидемий люди плохо реагируют на медицинскую пропаганду и намного лучше — на псевдомедицинские советы, которые получают из своего окружения, причем такое поведение не зависит от уровня образования, пола и возраста. Ими была построена математическая модель, имитирующая «заражение» псевдомедицинскими советами, как если бы это было инфекционное заболевание. В этой модели риск заражения для всей популяции резко возрастал, если большинство прислушивалась к псевдомедицинским советам [Brainard, Hunter 2019].

Одна из причин подобных следований простым рецептам — когнитивное искажение, называемое «иллюзией объяснительной глубины». Человеку, далекому от науки, сложно представить себе, как устроена мутация вирусов и как они переходят от животного к человеку, а потом от человека к человеку. Он не знает, чего именно он не знает, чтобы адекватно воспринять медицинскую и биологическую информацию, но в результате этого незнания ему кажется, что он хорошо понимает, как устроена пандемия коронавируса. Это когнитивное искажение ведет к упрощению научных сведений и созданию иллюзии понимания истоков и особенности болезни. Как следствие, вечные фольклорные

сюжеты оказываются в одном ряду с официальной медицинской информацией [Rozenblit, Keil 2002].

Темпы вакцинации в России остаются весьма низкими — на 19 сентября 2021 г. привито только 28% населения⁷ — и это гораздо ниже, чем в странах Западной Европы и Северной Америки. Так, в США к 17 сентября 2021 г. были полностью вакцинированы 54% населения⁸. Нежелание вакцинироваться высказывало больше половины респондентов в социологических опросах: в мае 2021 г. доля тех, кто не был готов вакцинироваться, достигла 62% [Левада 2021a]* и на протяжении всего лета 2021 г. держалось на этом уровне, слегка уменьшившись к августу (до 55%) благодаря увеличению количества вакцинированных [Левада 2021b; 2021c]*. Более того: сравнительные социологические исследования показывают, что Россия — одна из стран — лидеров по количеству не желающих вакцинироваться. Специалисты по медицинской социологии в июне 2020 г. опросили 13 429 респондентов в 19 странах — они интересовались не только готовностью людей вакцинироваться, но и тем, как они следуют медицинским рекомендациям и рекомендациям работодателей [Lazarus et al. 2021]. Среди 19 стран Россия обнаружила самую высокую пропорцию негативных ответов на вопрос о готовности вакцинироваться (278 из 680 респондентов — 40,9%) и самую низкую пропорцию респондентов (среди опрошенных из других стран), которые готовы вакцинироваться после рекомендации работодателя (184 из 680 — 27,1%). Похожие результаты показаны в статье [Solís Arce et al. 2021].

Неудивительно, что на этом фоне с октября 2020 г. по настоящий момент активно набирают силу антивакцинационные инфодемические тексты, причем не только в нашей стране, но и в англоязычном сегменте социальных медиа [Islam et al. 2021]. Они могут оказывать влияние на людей и поддерживать сомнения в отношении вакцины [Freeman et al. 2020]. Согласно исследованию немецких психологов Пиа Ламберти и Роланда Имхоффа, тексты, «доказывающие», что коронавирус — это выдумка фармкомпаний, а вакцина убивает людей, в социальном смысле гораздо опаснее, например, представлений о том, что это биологическое оружие, потому что «отрицающие» представления, утверждающие, что опасности нет, провоцируют отказ от мер по медицинской защите населения [Imhoff, Lamberty 2020].

Итак, большинство текстов (65% репостов) и больше половины сюжетов в российских соцсетях посвящены борьбе с вирусом (как на самом деле надо правильно лечиться) и неприятию вакцинации (что представляют собой вакцины, как с ними надо бороться). И именно эти слухи оказываются наиболее опасными в социальном отношении и играют свою роль в ослаблении темпов вакцинации. Именно такие слухи можно считать «эпистемической неудачей», или «ложными сообщениями с точки зрения [эволюционной] приспособленности [людей]» [Буайе 2019: 89]. Другими словами, они не сообщают «полезной» информации (т. е. той, которая поможет выжить, а не умереть): чеснок,

⁷ См. статистику на сайте: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>.

⁸ См. счетчик на сайте: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/covid-19-vaccine-doses.html>.

* Здесь и далее астериском отмечаются ссылки на тексты, созданные организациями, которые внесены Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

сода и имбирь не спасут от заражения, а уверенность в том, что вакцина вызывает рак, повышает риск заразиться коронавирусом.

Стоило бы ожидать, что правоохранители в своей борьбе с «фейками» будут обращать внимание именно на такие эпистемически ложные сообщения. Однако этого не случилось. Мало того: «фейками» стали считать совсем другие тексты.

Борьба со слухами и «фейками» до 2020 г. и в 2020 г.

Преследование за распространение слухов не является новым в истории России. С 1930-х годов одним из инструментов политических репрессий была статья 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитации и пропаганда»), по которой люди привлекались к ответственности в том числе за распространение слухов и анекдотов: во время Большого террора по этой статье были сосланы в лагеря сотни тысяч людей. Отдельным объектом внимания слухи стали в военное время. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. устанавливал уголовную ответственность за распространение в военное время «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», т. е. информации, не соответствующей официальным сводкам.

Эти законы перестали применяться с исчезновением СССР. В действующем Кодексе об административных правонарушениях есть статья о «злоупотреблении свободой массовой информации» (ст. 13.15 КоАП), однако привлекать по ней к ответственности именно за распространение «фейков» начали с марта 2019 г., когда она была дополнена тремя новыми частями (9–11), которые в обиходе получили название «закона о фейках». При обсуждении поправок в КоАП в 2019 г. указывалось, что одной из причин их внесения стали слухи о большом количестве погибших при пожаре в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерове, которые привели к массовым протестам в 2018 г. Представители власти обвиняли распространителей фейковых новостей в нагнетании паники [Принятие 2019].

Этим законом устанавливалась ответственность за распространение заведомо недостоверной «общественно значимой информации». Существенной особенностью новых норм было отсутствие исчерпывающего перечня того, что может быть сочтено «общественно значимой информацией», поэтому под их действие могут попадать, как мы увидим ниже, практически любые высказывания.

До пандемии коронавируса эти новые нормы применялись сравнительно редко. Эпидемия COVID-19 и развившаяся в связи с ней инфодемия открыли качественно новый этап в развитии в России репрессивного законодательства о «фейках».

25 марта 2020 г. президент В. В. Путин объявляет режим самоизоляции. 1 апреля 2020 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен статьями 207.1 («Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан») и 207.2 («Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»). 30 марта премьер-министр М. В. Мишустин подписывает постановление о создании Коммуникативного центра, одной из задач которого является борьба с «недостоверной информацией» [Правительство 2020]. Судя по этим мерам, ожидалось появление массовой паники, спровоцированное слухами.

Борьба с «фейками» проходила по трем направлениям. Во-первых, начали выборочно блокировать ресурсы, распространяющие «фейки»⁹, — как правило, видеоролики на YouTube. Во-вторых, начали создаваться аффилированные с государством фактчекинговые ресурсы, которые должны были разоблачать «фейки». Как мы узнаем дальше, процесс разоблачения на этих каналах происходил не очень успешно, а сами каналы популярностью не пользовались. И, в-третьих, людей начали активно привлекать к ответственности — распространителей «фейков» регулярно наказывали штрафами¹⁰, а также в ряде случаев принуждали к публичному принесению извинений.

Социология «дел о фейках»

В нашей базе данных 240 «дел о фейках», и это позволяет показать социологическое и хронологическое измерение репрессивных мер против распространителей «фейков».

Исходя из смысла российского «закона о фейках» (и административного, и уголовного), ответственность наступает за распространение заведомо недостоверной информации, т. е. такой, ложность которой лицу достоверно и заранее известна. Однако в части исследованных нами дел основанием ответственности становился пересказ услышанных где-либо слухов, не соответствующих официальной информации (как в примере выше). Например, женщина услышала от своей знакомой, что в больнице врачи заболели коронавирусом (или на кладбище тайно роют дополнительные могилы) и предупреждает в рабочей рассылке коллег, чтобы они были осторожнее¹¹. Фольклористы прекрасно знакомы с подобными паническими предупреждениями от «друга моего друга» — это и есть классический современный фольклор. Большинство выявленных нами в административных и уголовных делах инфодемических нарративов касаются самых обыденных аспектов эпидемии — нехватки масок, количества заболевших и т. д., а «экзотические», конспирологические теории, которые постоянно можно встретить устно или в соцсетях, встречаются в протоколах сравнительно редко.

Первое дело в нашей базе — это извинение за сообщение в Инстаграме («Минздравом издан указ, потому что, говорят, вирусы в России распространились. Тут невообразимое творится. В инфекционной [больнице] дети уже в коридорах лежат»), принесенное жителем Чечни в начале февраля 2020 г. [Житель Чечни 2020]. Но большинство наказаний за «фейки» последовало весной 2020 г: на март 2020 г. приходится 8% дел, на апрель 2020 г. — уже 52%, на май — 17%, а начиная с лета 2020 г. до настоящего момента количе-

⁹ По данным «Russia Today», с 1 января по 4 июня 2020 г. органы прокуратуры направили в Роскомнадзор 180 требований об ограничении доступа к видео- и аудиороликам, в том числе 120 — в связи с размещением «фейков», а за весь 2019 г. — 134 требования, из них 12 в связи с публикацией «фейков» [Генпрокуратура 2020].

¹⁰ Санкция ст. 13.15 КоАП не предусматривает для физических лиц иных наказаний, кроме штрафа. Санкция же уголовной статьи (207.1 УК РФ) носит альтернативный характер и предусматривает, кроме штрафа, наказания в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы.

¹¹ Именно невозможность доказать, что распространитель знал, что это ложь, в некоторых случаях становилась основанием для прекращения дела [Селезнев 2020].

ство дел постепенно снижается. Однако сейчас, летом — осенью 2021 г., когда мы дописываем эти строки, стали снова заводиться дела — против слухов о вакцинации. Например, в июле 2021 г. житель Новосибирской области оставил комментарий в посте соцсети «ВКонтакте»: «Зачем сертификат, если человек после ее труп» и получил за это немаленький штраф [Житель Искитима 2021].

Особой гендерной специфики в «делах о фейках» нет. Тем не менее мужчины оказываются фигурантами таких дел на 12% чаще, чем женщины (57% и 43% соответственно). Это интересно, учитывая тот факт, что, по данным Росстата, на 2020 г. среди населения Российской Федерации 54% составляют женщины, а 46% — мужчины. Скорее всего, небольшой гендерный дисбаланс в применении репрессивных мер «за фейки» связано с тем, что в России административные и уголовные наказания к женщинам вообще применяют реже.

Кроме того, считается, что «законы о фейках» применяются в основном по отношению к журналистам, но это не так. Действительно, эти законы начали активно применяться против публикаций в независимых СМИ (9% дел) и местных активистов (16% случаев в нашей базе), которые обсуждали неудобные темы, а также против медицинских работников (4%), которые выступали с публичными обращениями, сообщая, например, о нехватке мест в больницах или о их неготовности принять больных с коронавирусом. Чуть больше половины наказанных — это обычные пользователи соцмедиа, оштрафованные, например, за твит о том, что в больнице некоего города скрывают количество госпитализированных с диагнозом «коронавирус» (59,4%). Также по этой статье преследуются политические и религиозные активисты, например, известный в ультраправых кругах настоятель Среднеуральского женского монастыря в честь иконы Пресвятой Богородицы «Спорительница хлебов» схиигумен Сергей (Романов), называвший пандемию COVID-19 поводом для «чипирования» людей, призывавший игнорировать запрет на посещение храмов (в числе других общественных мест) и вступивший в этой связи в конфликт с властями [Маслов 2020].

В то же время многие лояльные к власти селебрити и медиаперсоны, такие как телеведущая Виктория Боня, теннисист Марат Сафин, режиссер Никита Михалков, публично распространявшие конспирологические теории о коронавирусе, ни разу не были за это наказаны. Хотя ни нормы КоАП, ни уголовный закон в этой части не действуют ретроспективно¹², их высказывания имели место уже после вступления в силу поправок в законодательство «о фейках» и должны были подпасть под действие закона.

Мы довольно хорошо представляем, как инфодемические нарративы распространились и распространялись в социальных сетях. Это прежде всего два наиболее популярных соцмедиа: «ВКонтакте» (30,5% репостов нарративов) и «Одноклассники» (35,5%) [Архипова и др. 2020]. Однако правоохранительные органы реагируют на «фейки», размещенные в основном во «ВКонтакте» (24,5% дел, см. табл. 1), практически полностью игнорируя «Одноклассники». Этому, видимо, способствует тот факт, что администрация сети охотно предоставляет полиции и Следственному комитету данные о пользователях. В зоне риска также отправка аудиосообщений в WhatsApp (8% известных случаев, а неназванный мессенджер еще в 6,6% случаях — тоже, скорее всего, WhatsApp).

¹² Согласно принципу «закон обратной силы не имеет».

Кроме мониторинга соцсетей и сотрудничества с некоторыми онлайн-платформами, полиция явно расследует дела «по доносам», когда пользователи предъявляют в полицию скрины полученных в мессенджере сообщений.

Отметим, что, хотя инфодемические нарративы активно распространяются также в виде поддельных документов — в онлайн-пространстве (ср., например, фальшивый указ Шойгу о закрытии Москвы на карантин, который активно рассылали в марте 2020 г.) и в офлайн-пространстве (в виде листовок на столбах и лифтах). Тем не менее, как мы видим из данных табл. 1¹³, правоохранительные органы практически не обращают внимание на такие случаи.

Таблица 1. *Какие источники «фейков» привлекают внимание правоохранительных органов (в % к 212 «делам о фейках»)*

Table 1. *Which sources of “fake news” attract the attention of law enforcement agencies (as a percentage to 212 cases)*

Платформа или источник	Количество дел	%
неустановленная соцсеть	54	25,5%
«ВКонтакте»	52	24,5%
электронные СМИ	20	9,4%
WhatsApp	17	8%
неустановленный мессенджер	14	6,6%
Telegram	10	4,7%
Instagram	8	3,8%
Twitter	7	3,3%
Facebook	5	2,4%
неустановленный видеохостинг	5	2,4%
YouTube	4	1,9%
Viber	3	1,4%
печатные СМИ	3	1,4%
«Одноклассники»	2	0,9%
TikTok	2	0,9%
радио	2	0,9%
блоги	1	0,5%
публичные выступления	1	0,5%
листовки	1	0,5%
фабрикат документа	1	0,5%

¹³ В 24 случаях из 235 мы не знаем точный канал распространения, так как органы МВД в своих пресс-релизах используют конструкции вида «разместил в паблике в популярной соцсети».

«Но лучше перебдеть, чем недобдеть»: создание «низового контроля» и борьба правоохранителей с ним

В апреле 2020 г. некая женщина написала в группу в Viber, состоящую из ста участников, сообщение о появлении неучтенных больных и была за это оштрафована. Это краткое изложение дела, оказавшегося в нашем распоряжении¹⁴. Мы детально разберем этот случай, чтобы показать, почему такой ничтожный проступок стал поводом для долгого и серьезного разбирательства.

Вот сообщение, которое написала Н.:

Девочки мои дорогие! МАМЫ! Я без всяких длинных текстов просто Вас умоляю <...> поберегите себя!!! Не работайте <...> ни одни деньги вам потом не помогут! У <...> главврача М. подтвердился сегодня диагноз! Посидите дома, почитайте книжки, сделайте генералку <...> Хорошо если нас не коснется так, как Европу. Но лучше перебдеть, чем недобдеть [Материалы 2020. Л. 8]¹⁵.

По сути, это — паническое предупреждение о враче, который заболел и опасен для окружающих. Оно принадлежит к группе инфодемических нарративов «Недостаточные, избыточные или неверные действия властей», потому что врачи, которые должны соблюдать новый общественный договор — нормы безопасности — и выполнять медицинские протоколы, их нарушают и заражают окружающих (из материалов дела следует, что «заболевший» главврач ходил на работу и поэтому будто бы был опасен).

Таких советов в марте — апреле 2020 г. было очень много, и они составляют содержательное большинство и в «делах о фейках». В них вместе с призывами не верить врачам / властям (тексты выглядят примерно так: «в нашей больнице зараженных гораздо больше, будьте осторожны») встречаются утверждения, что рассчитывать можно только на себя (например, «власти не дают СИЗ медикам, шейте их сами»). Перед нами создание рядовыми гражданами мира тотального недоверия властным институтам; мира, в котором можно спастись только через создание сети «низового контроля» над происходящим с помощью слухов (ср. [Thomas 2007]).

Это подтверждается и социологическими данными: во время опроса, проведенного 27–39 марта 2020 г., большинство респондентов сказали, что в ситуации эпидемии можно полагаться только на себя и на коллективную ответственность, а не на государство [Степанцов, Вилейкис 2020]. Такие советы об опасности, исходящей от окружающих, представляют собой реализацию низового контроля, попытку спастись самим, ибо российские граждане привыкли жить по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Конечно, они вызывают беспокойство, но одновременно повышают ответственность граждан за свое здоровье и уменьшают их риск заболеть.

Обратим внимание на то, что с точки зрения медицинской безопасности совет сидеть дома, данный Н. «девочкам» в группе в Viber, в начале пандемии

¹⁴ Снятие копии было произведено фигурантом дела, с разрешения которого оно было нами исследовано.

¹⁵ Орфография и пунктуация источника сохранены.

как раз работает на защиту людей от заражения коронавирусом и не представляет медицинской опасности. Тем не менее создатели протокола увидели в сообщении Н. совсем другие смыслы. Само правонарушение было описано в протоколе следующим образом:

[Фигурант дела Н.] в помещении аптеки <...> услышала от посетительницы аптеки информацию о том, что главному врачу [наименование больницы] М. поставлен диагноз — коронавирусная инфекция, вызванная 2019-нCoV. После гражданка Н. пришла домой <...> и, испугавшись, не думая о последствиях, не уточняя указанную информацию в официальных источниках, предполагая, что информация является заведомо недостоверной, сочла информацию общественно значимой, и <...> на своем мобильном телефоне набрала текстовое сообщение [Материалы 2020. Л. 6–7].

По их мнению, разосланное Н. сообщение создало «угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, угрозу массовой паники и страха заражения коронавирусной инфекцией среди населения, <...> ажиотажа у населения, активной скупки товаров <...>, подрыв доверия к органам власти, в части достоверности информации, касающейся коронавирусной инфекции, предоставляемой населению по средствам массовой информации» [Там же. Л. 9], в связи с чем в действиях Н. был усмотрен состав административного правонарушения.

Обратим внимание на фразу «предполагая, что информация является заведомо недостоверной», которая выглядит внутренне противоречивой. По сути, не было доказано, что Н. знала заранее о том, что главврач М. не был болен. Однако именно через это противоречие достигается возможность привлечь лицо к ответственности тогда, когда распространенная им информация не является заведомо недостоверной. Следуя букве закона, заведомый характер такого знания является необходимым условием наступления ответственности. Обойдя это требование, можно расширительно толковать закон, что в данном случае и происходит.

Наконец, в протоколе обращается внимание, что Н. написала свое сообщение, «не уточняя указанную информацию в официальных источниках». Это утверждение из протокола перемещается и в судебное решение:

Н. совершила административное правонарушение в период сложившейся в целом по Российской Федерации неблагоприятной эпидемиологической обстановки и психоэмоционального напряжения в обществе, не удостоверившись из официальных источников в правдивости полученных ею сведений [Там же. Л. 84].

Таким образом, обязанность не распространять заведомо недостоверную информацию становится равна обязанности проверять ее достоверность в официальных источниках, а сами эти официальные источники наделяются квантором достоверности. При этом легального определения официальных источников вообще или в связи с пандемией в российском законодательстве нет.

Исходя из разбора этого дела, становится понятно, что поводом к привлечению к ответственности по «законам о фейках» становятся не только высказывания, компрометирующие социальные или политические институты, но и поведение субъекта — на него возлагается обязанность соотносить свое частное высказывание с официальной позицией или публикацией в социальных медиа.

Какие «фейки» самые опасные для правоохранителей?

Выше мы уже писали о том, какие тематические группы сюжетов о коронавирусе в соцсетях наиболее популярны: с очень большим отрывом лидируют антивакционные и псевдомедицинские истории. Они же являются «эпистемической неудачей» и представляют общественную опасность. Логично было бы ожидать, что именно такие слухи чаще всего будут оказываться в фокусе внимания правоохранителей. Но так не происходит. Например, один из самых популярных коронавирусных сюжетов — «чипирование» людей Биллом Гейтсом через вакцину — должен был бы фигурировать в делах о «фейках» хотя бы потому, что он чрезвычайно популярен и действительно является ложью, но он не встретился ни разу.

Проанализировав содержание «фейков», мы выделили 233¹⁶ инфодемических нарратива, которые оказались в поле зрения правоохранителей, и разделили их на те же самые восемь тематических групп (табл. 2).

Таблица 2. Типы сюжетов, встречаемых в «делах о фейках»
Table 2. Types of “fake news” prosecuted in courts

Тема	Основные сюжеты и их количество	Количество дел, содержащих эти сюжеты	Пример
Недостаточные, избыточные или неправильные действия властей	Невыполнение медпротоколов медработниками и чиновниками; невыплата медработникам надбавок, нехватка средств индивидуальной защиты, аппаратов ИВЛ, введение режима чрезвычайной ситуации, пропусков, перекрытие дорог; ограничение гражданских прав, введение войск и т. д.	78,4%	«В посте говорилось о том, что местному жителю, якобы, незаконно выписали штраф за то, что он вышел на соседнюю улицу, чтобы помочь другу в огороде» [Багдадян 2020].

¹⁶ Про два случая мы ничего не знаем, поскольку из открытых источников нам не удалось установить содержание слухов.

Вакцинация	Вакцина приводит к смерти или страшным последствиям для здоровья, вызывает бесплодие; под видом вакцинации происходит «чипирование»; вакцинация — это геноцид трудовых мигрантов и т. д.	7,3%	«В одной из костромских ВК-групп появилось сообщение о том, что житель поселка Кологрив Костромской области будто бы умер сразу после того, как ему была сделана прививка антиковидной вакциной “Спутник V”» [Сообщение 2021]. (Кологрив является городом. — <i>Примеч. ред.</i>)
Происхождение и распространение коронавируса	Вирус создан искусственно; вирус распыляется с вертолетов и т. д.	6,4%	Рассылка сообщений «о распылении коронавирусной инфекции вертолетами над городом Буйнакском, из-за чего заболели и погибли люди» [В Дагестане 2020]*.
Искажение информации и манипуляции со статистикой о коронавирусе	Манипуляция со статистикой; сокрытие данных о заболевших или умерших.	6%	«“Сегодня мой дядя сообщил что 400 человек перевели из Кемерово в Новокузнецк с коронавирусом. Попросила снять на видео, по закону за это 7 лет дают. ТАК ЧТО ОН БОИТСЯ. Если кто что знает пишите правду по новостям не скажут”, — написала женщина в группе “ВКонтакте”» [За публикацию 2020]*.
Тестирование	Тесты заражены коронавирусом или предназначены для манипуляции со статистикой.	1%	«...к ним пришли зараженные тесты. Потом заставят пройти повторный тест, а он уже покажет наличие вируса. Так вирус подтвердится. В обязательном порядке будут ставить прививки. А то есть, это уже означает смерть медленного действия...» [Жительницу 2020].
Средства и способы защиты (маски, перчатки, антисептики, дезинфекция)	Средства и способы защиты на самом деле представляют опасность: маски заразны, а их ношение учит бездумному подчинению, перчатки вызывают болезни, антисептики ядовиты, а дезинфицирующее средство, которое распыляют с вертолета, вредно для людей.	0,9%	«Сегодня в 23.00 и до 5.00 утра, вертолёты будут распылять лекарства для дезинфекции, окна и балконы должны быть закрыты» [Блогеры 2020].

Медицина и лечение	Отсутствуют в «делах о фейках».	0%	—
Карантин и социальная дистанция	Отсутствуют в «делах о фейках».	0%	—

Как мы видим, процентное соотношение тематических групп в «делах о фейках» совершенно иное, чем в инфодемических нарративах, распространенных в соцсетях. Правоохранительные органы совсем не реагировали на группу слухов о медицине и лечении, представляющих медицинскую опасность (0% случаев), и слабо реагировали на тех, кто рассказывал собственные версии о происхождении коронавируса (6,4%). Весьма слабо правоохранителей интересовали антивакцинационные слухи: на них стали обращать внимание только совсем недавно, летом 2021 г. (7,3%). Подавляющее большинство инфодемических нарративов, которые потребовали наказания, — 78,4% — представляли собой утверждения о том, что власти недостаточно, избыточно или просто неверно реагируют на эпидемию, не выполняют свои обязательства (не выплачивают надбавки врачам) или не соблюдают эпидемиологические требования (не предоставляют средства индивидуальной защиты).

Другими словами, преследуются не те нарративы, которые могут оказаться опасными для здоровья или безопасности граждан, а те, что угрожают стабильности государства и доверию к конкретным властным институтам, поэтому большинство текстов, привлечших внимание правоохранительных органов, содержат критические высказывания о деятельности конкретных структур: например, число умерших и зараженных скрывают не вообще, а в определенном «учреждении» в Крылатском, войска из-за пандемии вводятся не вообще в России, а именно в городе Волхове [СК 2020a]*.

Внесудебное наказание за «фейк»: извинение «на камеру» как ритуал вины и позора

В современной правоохранительной практике в разных регионах России с середины 2010-х годов используется принесение извинений под запись на камеру в качестве квазиправовой, суррогатной меры наказания; до 2020 г. она применялась довольно редко. Начиная с февраля 2020 г., помимо административного наказания, к виновным в создании и распространении «фейков» начали последовательно и широко применять эту новую для России меру квазисудебного реагирования. Распространителей «фейковых сообщений» заставляют извиняться под запись на камеру, причем иногда этого добиваются хитростью (мы достоверно знаем по крайней мере о 26 таких случаях). Видеоролики с извинениями выкладывались на сайте МВД, и по крайней мере в семи случаях точно известно, что они транслировались по местному телевидению. Более того — на основе пресс-релизов МВД местная пресса писала статьи о печальной судьбе распространителей «фейков», призывая граждан «не поступать как N.». Например, фигурантку одного дела, о котором идет речь в предыдущем разделе, не только оштрафовали,

но и обманом вынудили извиниться под видеозапись, после чего ролик показали в СМИ [Мутовина 2021].

Вопрос, который нас интересует в этом разделе, — что это за мера дополнительного наказания и почему она стала применяться сейчас?

Публичное извинение, да еще «на камеру» — это один из вариантов ритуалов вины и позора: человек, обвиненный в нарушении социальных норм, подвергается публичному шельмованию. Такие ритуалы становятся актуальными в случае социального и политического напряжения, когда существующие социальные нормы подвергаются сомнению и их приходится таким образом поддерживать. Именно поэтому они популярны в ситуации социальных катастроф, например, во время российско-украинского конфликта 2014 г. подобные практики применяли обе стороны [Титков 2016].

Из изучения этих случаев становится понятно, что правоохранителям не хватает правового наказания, и поэтому они прибегают к наказанию морально-этическому. Это странное стремление — прямое следствие того, что современная политическая структура в России стремится быть «патриархальной»¹⁷. Социологи Лорен Тевено и Люк Болтански сказали бы, что это стремление к «домашнему (или патриархальному) граду» — к воспроизведению социальных отношений вокруг себя в модели семьи, которая возглавляется строгим и контролирующим все и вся родителем: «В этой модели отдельного человека нельзя представить вне его принадлежности к тому или иному сословию или корпорации <...> В патриархальном граде любые связи между людьми мыслятся по образу рода и семейных отношений. Каждый человек является отцом по отношению к своим подчиненным и с сыновним почтением относится к авторитету старших» [Болтански, Тевено 2013: 150].

Когда люди выстраивают свои отношения с миром в модели «домашнего града», политическая элита и сам правитель воспринимаются как источники истины, в которой не положено сомневаться. И если ты сомневаешься в словах государя, ты должен быть наказан. Именно поэтому извинения «на камеру» (особенно перед Рамзаном Кадыровым) так приняты в Чечне, где модель «домашнего града» повсеместно распространена.

А что представляют собой «фейки», которое везде ищет российское государство, глазами Болтански и Тевено? 78,4% «фейков» в делах — это высказывания, в которых выражается сомнение в легитимности действий властей (см. табл. 2), т. е. нарушение иерархии в «домашнем граде». Именно поэтому в «делах о фейках» данные из официальных источников становятся «единственно верными», и на гражданина возлагается обязанность сверять свои высказывания с ними (см. выше разобранный кейс с советом «сидеть дома», посланный в WhatsApp).

Принуждение к ритуалам вины и позора должно укрепить в россиянах ощущение, что сомневаться в решениях власти нельзя. Косвенным доказательством этого является географическое распространение видеозаписи извинений за «фейки». Обычные репрессивные меры за распространение «фейков» не имеют особой географической привязки — они возникают во всех регионах России. В среднем в 15% от всех «дел о фейках» фигурирует принуждение к

¹⁷ Выражаем благодарность нашему коллеге, антропологу Михаилу Габовичу за обсуждение этого раздела.

принесению извинений, и география здесь не случайна: в Северо-Кавказском федеральном округе один такой случай приходится на каждое третье дело, в Сибири — на каждое четвертое дело, в Приволжском и Дальневосточном округах — на каждое пятое дело, в Северо-Западном и Южном округах эти цифры еще ниже — соответственно, на каждое 17-е дело, а в Центральном — на каждое 22-е. Заметим при этом, что адресат извинения либо обезличен, либо является представителем власти (президент, губернатор, силовые структуры). Таким образом, принуждая к принесению извинений, правоохранительные органы стремятся использовать не формально-юридические, а этические меры воздействия, тем самым показывая незыблемость патриархальных по своей сути иерархий отношений в обществе. Поэтому такие практики наиболее часто встречаются там, где важной ценностью является уважение к власти, почитание ее представителей, что предполагает невозможность сомнения в их словах.

«Карательный фактчекинг»

В первых числах апреля 2020 г. (тогда же, когда появляются законы против «фейков») на только что возникшем официальном портале стопкоронавирус.рф, посвященном эпидемии коронавируса в России, появляется ссылка под заголовком «Фейки о коронавирусе», ведущая на сайт coronafake.ru. До этого момента в России не существовало специализированной аналитической площадки, посвященной этой теме или хотя бы специального фактчекингового ресурса, посвященного пандемии коронавируса — например, такого, как американский сайт snopes.com, казахстанский factcheck.kz или возникший позже российский проект Проверено.Медиа.

Coronafake.ru был создан журналистом, членом Общественной палаты РФ, первым заместителем председателя комиссии по СМИ Александром Малькевичем. В Общественной палате России VII созыва он возглавляет рабочую группу по противодействию распространению недостоверной информации, общественному контролю и безопасности сети Интернет. Кроме того, Малькевич находится под санкциями США [Коробова 2021] — как указывается в СМИ, за связи с Е. В. Пригожиным [Наскребли 2021]. Иными словами, не будет большим преувеличением воспринимать coronafake.ru как ресурс, тесно аффилированный с государственными структурами.

Помимо «надводной» части аффилированного с государством фактчекинга в виде сайта coronafake.ru, с 2016–1917 гг. существует еще ряд анонимных Telegram-каналов, в той или иной степени посвященных фактчекингу, — «Fake control», «Министерство правды», «Хроники обмана и иллюзий», «ЧС/Честно сказать/Фактчекинг» — в отношении которых можно предполагать, что они также связаны с государственными структурами. Так, расследование Проект.Медиа установило, что канал «Министерство правды» связан с Фондом развития гражданского общества, в свою очередь связанного с Администрацией Президента РФ [Телега 2018].

Анонимность фактчекинговых каналов — это в некотором роде оксюморон. Анонимный источник информации не может быть признан заслуживающим доверия. Coronafake.ru, в отличие от анонимных каналов «Министерство правды» или «Fake control», имеет автора, по крайней мере формального, но,

судя по данным самого сайта, Малькевичу в его работе помогала анонимная «команда инициативных блогеров и журналистов, выступающих за честность и прозрачность в подаче информации», имена которых Малькевич по каким-то причинам решил не предавать огласке.

Большинство текстов (143, или 74%), разоблачаемых на coronafake.ru и в Telegram-канале «Фейки о коронавирусе», являются нетипичными суждениями о свойствах коронавируса или о лекарствах от него (например, советы пить раствор соды с лимоном, чтобы защититься от болезни). Наоборот, разоблачаемые тексты говорят о нежелательных нарушениях в функционировании социальной жизни; кроме того, они крайне конкретны и имеют привязку к региону или городу: «Московская полиция устроила погоню за нарушителем самоизоляции»; «В Красноярске школьникам на дистанционке приходится ходить в школу на обед»; «У губернатора Нижегородской области Г. Никитина обнаружен коронавирус»; «В Ростовской области ужесточаются ограничительные меры»; «В Якутии не хватает вакцины». Эти примеры дают нам представление о наиболее характерном типе текста, который воспринимается исследуемым нами ресурсом как «фейк», требующий опровержения. Он должен распространяться преимущественно в соцсетях и мессенджерах и рассказывать о недостатках или ошибках в методах реагирования органов власти и социальных структур (школ, больниц) в связи с пандемией; при этом событие должно происходить в конкретном месте и иметь строгую территориальную привязку.

Не будет большим преувеличением утверждать, что именно такой тип текста представляется аффилированным с государством фактчекерам наиболее опасным и требующим реагирования. Здесь авторы портала следуют той же самой логике, что и правоохранительные органы, заводящие «дела о фейках»: в первую очередь «фейком» является та информация, которая представляет «угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, угрозу массовой паники и страха заражения коронавирусной инфекцией среди населения» [Материалы 2020. Л. 84]. В пользу этого утверждения говорит то, что доля сюжетов о недостаточных, избыточных или неправильных действиях властей в «делах о фейках» и среди текстов на coronafake.ru практически одинакова и при этом совершенно не соответствует их истинной доле в общем объеме текстов инфодемии.

Это связь не случайна: создатель сайта А. А. Малькевич принимал самое деятельное участие в общественной дискуссии вокруг «законов о фейках» в 2019–2020 гг. — в частности, высказывался о том, что за «фейки» о коронавирусе необходимо «наказывать публично» [Наказывать 2020]. Неудивительно, что именно он создал своего рода «карательный фактчекинг».

«Фейк» «фейку» рознь: инфодемия в глазах исследователей и государства

Выше мы уже обращали внимание на то, как распределяются инфодемические нарративы в социальных сетях по популярности (т. е. по количеству репостов), а также какие именно «фейки» привлекают внимание правоохранителей и создателей сайта coronafake.ru. В табл. 3 представлены сравнительные данные.

Таблица 3. *Распределение текстов инфодемии по сюжетным группам в социальных медиа, на сайте coronafake.ru и в прецедентах правоохранительного реагирования*

Table 3. *Distribution of infodemic texts by story groups in social media, on coronafake.ru and in precedents of law enforcement response*

Основные темы инфодемических нарративов	в соцсетях	в «делах о фейках»	coronafake.ru
Происхождение и распространение коронавируса	15%	6,4%	2,6%
Недостаточные, избыточные или неправильные действия властей	10%	78,4%	72%
Медицина и лечение	24%	0%	8,8%
Искажение информации и манипуляции со статистикой о коронавирусе	4%	6%	3,7%
Средства защиты (маски, перчатки, антисептики, дезинфекция)	3,9%	0,9%	4,7%
Тестирование	0,1%	1%	1%
Карантин и социальная дистанция	2%	0%	1,5%
Вакцинация	41%	7,3%	5,7%

Как силовые структуры, так и околосударственные фактчекеры целенаправленно игнорируют наиболее социально опасные инфодемические нарративы — антивакцинационные слухи и псевдомедицинские советы. И даже если антивакцинационные нарративы разоблачаются на coronafake.ru, то они касаются работы властных институтов или сомнений в эффективности вакцины — из 14 текстов, относящихся к этой сюжетной группе, такую связь обнаруживают в 8 случаях (как правило, это слухи о том, что в определенных городах от вакцины умерли люди). Иными словами, возможный вред, причиненный жизни и здоровью конкретных людей, в гораздо меньшей степени является предметом интереса фактчекеров coronafake.ru и правоохранителей, чем устойчивость и легитимность властных институтов.

Заключение

Эпидемия коронавируса в России привела к кризису доверия к властным институтам. В результате в российских соцсетях в 2020–2021 гг. массово распространялись инфодемические нарративы, с помощью которых российские граждане, не доверяя действиям представителей властных институтов, создавали собственный «низовой контроль» и для этого обменивались инструкциями и советами, как избежать и эпидемиологической опасности, и опасности из-за чрезмерной или недостаточной реакции властей.

Подобные инфодемические нарративы (при этом часто абсолютно фольклорного происхождения), выражающие сомнения в легитимности решений властных институтов, воспринимаются как нарушение патриархальной модели социальных отношений («домашнего града» по Тевено — Болтански).

Именно они становятся объектом разоблачения или преследования со стороны государственных структур. Поэтому правоохранители и аффилированные с государством фактчекеры игнорируют народные средства лечения и антивакцинационные слухи: такие инфодемические нарративы ничем патриархальной модели не угрожают.

Но, к сожалению, такая политика не способствует информационной защите людей в ситуации эпидемиологической опасности — слухи антивакцинационного или псевдомедицинского характера легко минуют фильтры аффилированного с государством фактчекинга и правоприменительной практики и беспрепятственно распространяются в социальных медиа, угрожая общественному здоровью.

Источники

- Багдадян 2020 — Багдадян Я. Автора поста в соцсетях оштрафовали за фейковую новость в Краснодарском крае // Регион Online. 2020. 17 апр. URL: https://news-r.ru/news/krasnodar_krai/472254.
- Блогеры 2020 — Блогеры в Каменске распространяют откровенный фейк о коронавирусе: дескать, ночью над городом вертолеты будут распылять лекарство // Каменск-Уральский Городской интернет-портал KU66.RU. 2020. 17 марта. URL: https://www.ku66.ru/news/blogery_v_kamenske_uralskom_rasprostranjajut_otkrovennyj_fejk_o_koronaviruse_deskat_nochju_nad_gorodom_vertoletami_budut_raspyljat_lekarstv/2020-03-17-44585.
- В Дагестане 2020 — В Дагестане суд назначил штраф за сообщение о распространение коронавируса через вертолеты // ОВД-Инфо. 2020. 13 июля. URL: <https://ovdinfo.org/express-news/2020/07/15/v-dagestane-sud-naznachil-shtraf-za-soobshchenie-o-rasprostraneni>.
- Варданын 2020 — Варданын А. Закроют ли Москву на карантин от коронавируса: В МВД опровергли фейк // Комсомольская правда. 2020. 24 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/27108/4183497>.
- Левада 2021a — Коронавирус и вакцинация // Левада-Центр. 2021. 12 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/05/12/koronavirus-i-vaktsina>.
- Левада 2021b — Коронавирус, прививки и обязательная вакцинация // Левада-Центр. 2021. 5 июля. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya>.
- Левада 2021c — Вакцинация // Левада-Центр. 2021. 9 августа. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/09/vaktsinatsiya>.
- Мутовина 2021 — Мутовина О. Как ритуалы вины и позора возвращаются в жизнь россиян // Люди Байкала. 2021. 18 янв. URL: <https://baikal-journal.ru/2021/01/18/kak-ritualy-viny-i-pozora-vozvrashhayutsya-v-zhizn-rossiyan>.
- Генпрокуратура 2020 — Генпрокуратура заявила о десятикратном росте числа фейков в интернете // Russia Today. 2020. 8 июня. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/753207-genprokuratura-rost-chislo-feiki>.
- Житель Чечни 2020 — Житель Чечни публично извинился за паническое сообщение о коронавирусе // Кавказский Узел. 2020. 8 февр. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/345666>.
- Житель Искитима 2021 — Жителя Искитима обвинили в фейке за комментарий о сертификате вакцинации от коронавируса // Тайга.инфо. 2021. 29 июля. URL: <https://tayga.info/170051>.
- Жительницу 2020 — Жительницу Верещагино, призывавшую отказаться от тестов на COVID-19, оштрафовали на 30 тыс. рублей // Коммерсантъ. 2020. 7 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4406759?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- За публикацию 2020 — За публикацию сведений из автобусного разговора кемеровская полиция составила протокол о «фейк-ньюс» // ОВД-Инфо. 2020. 14 апр. URL: <https://>

- ovdinfo.org/express-news/2020/04/17/za-publikaciyu-svedeniy-iz-avtobusnogo-razgovora-
kemerovskaya-policiya.
- Коробова 2021 — *Коробова Н.* США ввели санкции против экс-гендиректора омского «12 канала» Малькевича // Новый Омск. 2021. 15 апр. URL: https://newsomsk.ru/news/114566-ssha_vveli_sanktsii_protiv_eks_gendirektora_omskog.
- Маслов 2020 — *Маслов А.* Суд 7 июля рассмотрит дело о фейке про COVID-19 в проповеди схиигумена Сергия // Znak.com. 2020. 22 июня. URL: https://www.znak.com/2020-06-22/sud_7_iyunya_rassmotrit_delo_o_feyke_pro_covid_19_v_propovedi_shiigumena_sergiya.
- Материалы 2020 — Материалы административного дела № 5-241/2020. Личный архив авторов статьи.
- Наказывать 2020 — Наказывать за фейки захотели публично // Lenta.ru. 2020. 5 марта. URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/05/punishment>.
- Наскребли 2021 — «Наскребли по сусекам»: экс-директор 12-го канала о санкциях США против себя // Новости Омска. 2021. 12 апр. URL: <https://ngs55.ru/text/politics/2021/04/16/69869549>.
- Петренко 2020 — *Петренко С.* В СК России возбуждены еще три уголовных дела по фактам распространения ложной информации о коронавирусной инфекции // Следственный комитет Российской Федерации: [Офиц. сайт]. 2020. 9 апр. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1454723>.
- Правительство 2020 — Правительство создало центр по борьбе с фейками о коронавирусе // Коммерсантъ. 2020. 30 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308770>.
- Принятие 2019 — Принятие закона о фейковых новостях связали с пожаром в «Зимней вишне» // РБК. 2019. 15 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/05/2019/5cdc280f9a79471e7072f303>.
- Селезнев 2020 — *Селезнев С.* Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова: Доклад Международной Агоры. 2020. URL: https://www.agora.legal/fs/a_de-1o2doc/190_file_2.pdf.
- С начала года 2020 — С начала года МВД возбудило 37 уголовных дел за фейки о коронавирусе // РБК. 2020. 19 дек. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fdd5c3f9a79474601807543>.
- СК 2020a — СК возбудил третье уголовное дело о фейке про коронавирус // Медиазона. 2020. 7 апр. URL: <https://zona.media/news/2020/04/07/volkhov>.
- СК 2020b — СК Дагестана возбудил уголовные дела о фейках про «распыление» COVID-19 с вертолетов // Российское агентство правовой и судебной информации — РАПСИ. 2020. 8 июня. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20200608/305899189.html.
- Сообщение 2021 — Сообщение о смерти жителя Костромской области от антиковидной прививки оказалось фейком // Московский комсомолец — Ярославль. 2021. 23 июня. URL: <https://yar.mk.ru/social/2021/06/23/soobshhenie-o-smerti-zhitelya-kostromskoy-oblasti-ot-antikovidnoy-privivki-okazalos-feykom.html>.
- Телега 2018 — Телега из Кремля. Рассказ о том, как власти превратили Telegram в телевизор // Проект медиа. 2018. 28 нояб. URL: https://www.proekt.media/narrative/telegram-kanal/?utm_source=tlgrm&utm_medium=chnl&utm_campaign=telega.
- Указ 2020 — Указ мэра Москвы от 2 апреля 2020 года № 36-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ». URL: <https://rg.ru/2020/04/02/moscow-ukaz36-reg-dok.html>.

Литература

- Архипова и др. 2020 — *Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В.* Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265.

- Болтански, Тевено 2013 — *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.
- Буайе 2019 — *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Мюнхенская конференция 2020 — Мюнхенская конференция по безопасности // Всемирная организация здравоохранения. 2020. 15 февр. URL: <https://www.who.int/rug/speeches/detail/munich-security-conference>.
- Селезнев 2020 — *Селезнев С.* Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова: Доклад Международной Агоры. 2020. URL: https://www.agora.legal/fs/a_delo2doc/190_file_2.pdf.
- Степанцов, Вилейкис 2020 — *Степанцов П., Вилейкис А.* Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 2020. 1 апр. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1>.
- Титков 2016 — *Титков А.* Ритуалы вины и позора в украинском конфликте 2013–2015 годов // Векторы развития современной России. «Война миров»: научное знание / прагматика жизни: Материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. 17–18 апреля 2015 года / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 151–159.
- Abello et al. 2012 — *Abello J., Broadwell P., Tangherlini T. R.* Computational folkloristics // Communications of the ACM. Vol. 55. No. 7. 2012. P. 60–70.
- Brainard, Hunter 2019 — *Brainard J., Hunter P. R.* Misinformation making a disease outbreak worse: Outcomes compared for influenza, monkeypox, and norovirus // Simulation. Vol. 96. No. 4. 2019. P. 365–374.
- Cinelli et al. 2020 — *Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A. et al.* The COVID-19 social media infodemic // Scientific Reports. Vol. 10. 2020. 16598. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.
- Freeman et al. 2020 — *Freeman D., Waite F., Rosebrock L. et al.* Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England // Psychological Medicine. Vol. 21. 2020. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0033291720001890>.
- Ilyefalvi 2018 — *Ilyefalvi E.* The theoretical, methodological and technical issues of digital folklore databases and computational folkloristics // Acta Ethnographica Hungarica. Vol. 63. No. 1. 2018. P. 209–258.
- Imhoff, Lamberty 2020 — *Imhoff R., Lamberty P.* A bioweapon or a hoax? The link between distinct conspiracy beliefs about the Coronavirus disease (COVID-19) outbreak and pandemic behavior // Social Psychological and Personality Science. Vol. 11. No. 8. 2020. P. 1110–1118.
- Islam 2021 et al. — *Islam M. S., Kamal A. H. M., Kabir A. et al.* COVID-19 vaccine rumors and conspiracy theories: The need for cognitive inoculation against misinformation to improve vaccine adherence // PLOS ONE. Vol. 16. No. 5. 2021. e0251605. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251605>.
- Lazarus et al. 2021 — *Lazarus J. V., Ratzan S. C., Palayew A. et al.* A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine // Nature Medicine. Vol. 27. No. 2. 2021. P. 225–228.
- Rozenblit, Keil 2002 — *Rozenblit L., Keil F.* The misunderstood limits of folk science: An illusion of explanatory depth // Cognitive Science. Vol. 26. No. 5. 2002. P. 521–562.
- Solis Arce et al. 2021 — *Solis Arce J. S., Warren S. S., Meriggi N. F. et al.* COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries // Nature Medicine. Vol. 27. No. 8. P. 1385–1394. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y>.
- Tandoc et al. 2018 — *Tandoc Jr. E. C., Lim Zh. W., Ling R.* Defining “fake news”: A typology of scholarly definitions // Digital Journalism. Vol. 6. No. 2. 2018. P. 137–153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>.
- Tangherlini, Leonard 2013 — *Tangherlini T. R., Leonard P.* Trawling in the sea of the great unread: Sub-corpus topic modeling and humanities research // Poetics. Vol. 41. No. 6. 2013. P. 725–749.

Thomas 2007 — *Thomas Sh. A. Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina // Sociological Spectrum. Vol. 27. No. 6. 2020. P. 679–703.*

References

- Abello, J., Broadwell, P., & Tangherlini, T. R. (2012). Computational folkloristics. *Communications of the ACM*, 55(7), 60–70.
- Arhipova, A. S., Radchenko, D. A., Kozlova, I. V., Peigin, B. S., Gavrilova, M. V., & Petrov, N. V. (2020). Puti rossiiskoi infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of infodemic in Russia: from WhatsApp to the Investigative committee]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020(6), 231–265. (In Russian).
- Boltanski, L., & Thévenot L. (2006). *De la justification: les économies de la grandeur*. Gallimard. (In French).
- Boyer, P. (2018). *Minds make societies: How cognition explains the world humans create*. Yale Univ. Press.
- Brainard, J., & Hunter, P. R. (2019). Misinformation making a disease outbreak worse: Outcomes compared for influenza, monkeypox, and norovirus. *Simulation*, 96(4), 365–374.
- Cinelli, M., Quattrocioni, W., Galeazzi, A., et al. (2020). The COVID-19 social media infodemic. *Scientific Reports*, 10, 16598. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>
- Freeman, D., Waite, F., Rosebrock, L., et al. (2020). Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England. *Psychological Medicine*, 21, 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0033291720001890>.
- Ilyefalvi, E. (2018). The theoretical, methodological and technical issues of digital folklore databases and computational folkloristics. *Acta Ethnographica Hungarica*, 63(1), 209–258.
- Imhoff, R., & Lamberty, P. (2020). A bioweapon or a hoax? the link between distinct conspiracy beliefs about the Coronavirus disease (COVID-19) outbreak and pandemic behavior. *Social Psychological and Personality Science*, 11(8), 1110–1118.
- Islam, M. S., Kamal, A. H. M., Kabir, A. et al. (2021). COVID-19 vaccine rumors and conspiracy theories: The need for cognitive inoculation against misinformation to improve vaccine adherence. *PLOS ONE*, 16(5), e0251605. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251605>.
- Lazarus, J. V., Ratzan, S. C., Palayew, A. et al. (2021). A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine. *Nature Medicine*, 27(2), 225–228.
- Munich Security Conference (2020, February 16). *World Health Organization*. <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/munich-security-conference>.
- Rozenblit, L., & Keil, F. (2002). The misunderstood limits of folk science: An illusion of explanatory depth. *Cognitive Science*, 26(5), 521–562.
- Seleznev, S. (2020). *Epidemiia feikov: bor'ba s koronavirusom kak ugroza svobode slova: Doklad Mezhdunarodnoi Agory* [Epidemic of “fake news”: Fighting coronavirus as a threat to free speech: International Agora Report]. https://www.agora.legal/fs/a_delo2doc190_file_2.pdf. (In Russian).
- Solís Arce, J. S., Warren, S. S., Meriggi, N. F., et al. (2021). COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries. *Nature Medicine*, 27(8), 1385–1394. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y>.
- Stepantsov, P., & Vileikis, A. (2020, April 1). Koronavirus i obshchestvo. Kak rossiiane reagiruiut na epidemiiu [Coronavirus and society. How Russians are responding to the epidemic]. Nozh. <https://knife.media/corona-sociology-1>. (In Russian).
- Tandoc Jr., E. C., Lim, Zh. W., & Ling, R. (2018). Defining “fake news”: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 6(2), 137–153, <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>.
- Tangherlini, T. R., & Leonard, P. (2013). Trawling in the sea of the great unread: Sub-corpus topic modeling and humanities research. *Poetics*, 41(6), 725–749.

- Thomas, Sh. A. (2007). Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina. *Sociological Spectrum*, 27(6), 679–703.
- Titkov, A. (2016). Ritualy viny i pozora v ukrainском konflikte 2013–2015 godov [Rituals of guilt and shame in the Ukrainian conflict of 2013–2015]. In M. G. Pugacheva (Ed.). *Vektory razvitiia sovremennoi Rossii. "Voina mirov": nauchnoe znanie / pragmatika zhizni: Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. 17–18 aprelia 2015 goda* (pp. 151–159). Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Александра Сергеевна Архипова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
приглашенный исследователь,
Центр Вильсона
1300 Pennsylvania Ave. NW Washington,
DC 20004-3027, USA
Тел.: +1 (202) 691-4000
доцент, Центр типологии и семиотики
фольклора, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-71-17
✉ alexandra.arkhipova@gmail.com

Alexandra S. Arkhipova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo,
82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Visiting Researcher, Wilson Center,
1300 Pennsylvania Ave. NW Washington, DC
20004-3027, USA
Tel.: +1 (202) 691-4000
Associate Professor, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125047, Moscow, Miuskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-71-17
✉ alexandra.arkhipova@gmail.com

Борис Сергеевич Пейгин

адвокат
приглашенный исследователь (программа
«Карамзинские стипендии — 2021»),
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ bspeigin@gmail.com

Boris S. Peigin

Lawyer
Invited Researcher (Karamzin Fellowship,
2021), Center for Theoretical Folklore Studies,
School for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo,
82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ bspeigin@gmail.com